

Столь неожиданное известие о ребёнке ошеломило обоих. Даже когда все ушли, они ещё долго не могли прийти в себя.

Юноша коснулся своего живота.

— А что, если старый лекарь ошибся?

Чэнь Цинъянь тут же присел на край кровати и взял его за руку.

— Этого не может быть. Он лучший лекарь в городе, и такой простой пульс, как при беременности, он бы ни с чем не спутал.

— Уот-зе-фак...

— «Ван» чего-чего? — не понял муж.

Ван Ин потёр лоб.

— Ничего... Просто... не могу в это поверить.

— Мне и самому кажется, что это сон...

Мысль о том, что он станет отцом, наполняла Чэнь Цинъяня волнением, но ещё больше — тревогой.

«Смогу ли я стать достойным родителем?»

Он вспомнил собственного отца, который с самого детства окружал его безграничной любовью. Возможно, из-за того, что они с матерью поженились поздно, Чэнь Сянь был терпеливее других мужчин и сильнее дорожил детьми. В народе говорили, что мужчины нянчатся с внуками, а не с сыновьями, но Чэнь Цинъянь помнил, как в четыре или пять лет он всё ещё сидел на плечах родителя. И когда кто-то подтрунивал над отцом за излишнюю нежность, тот лишь с улыбкой гладил сына по волосам.

— Это мой сын, — отвечал он тогда. — Пока я могу его носить, я буду носить его хоть до восьмидесяти лет.

Увы, Чэнь Сянь ушёл слишком рано, и его сын больше не мог опереться на это надёжное плечо. Глаза Чэнь Цинъяня увлажнились, а в душе крепла решимость.

— А-Ин, не волнуйся. Я позабочусь о тебе и о ребёнке!

Но дело было не только в заботе. Ван Ин всё ещё не мог до конца принять новую реальность. Одно дело — осознать себя гомосексуалом, но родить ребёнка... это казалось чем-то запредельным.

Промучившись три или четыре дня, он наконец оставил эти бесплодные размышления.

«Пусть всё идёт своим чередом. Если я и вправду смогу дать жизнь существу, связанному со мной кровными узами, в этом нет ничего плохого. По крайней мере, в этом чужом мире у меня появится первый настоящий родственник»

На пятый день они собрались возвращаться в поместье, но госпожа Ли отправила сына обратно одного, оставив Ван Ина под своим присмотром.

— Пусть плод сперва как следует закрепится. К тому же, что вы, мужчины, понимаете в уходе? Пусть Ин'эр останется дома.

— Мама, я смогу позаботиться об А-Ине.

— Нет. Если ты будешь за ним ухаживать, останется ли у тебя время на учёбу? Нельзя делать два дела одновременно. Не упускай такую возможность!

Уговоры не помогли, и Чэнь Цинъяню пришлось уехать в унынии. К счастью, экспериментальное поле теперь можно было открывать на расстоянии, и они могли встречаться там по вечерам.

Вернувшись в поместье, он поделился новостью с остальными.

— Старший брат, я стану дядей? — обрадовался Чэнь Цинсун.

Чэнь Цинхуай сложил руки в приветственном жесте:

— Поздравляю, двоюродный брат.

Старейшина Лян кашлянул:

— С этого дня ты должен учиться ещё усерднее, чтобы стать достойным примером для своего ребёнка.

— Да!

Вероятно, груз ответственности придал ему сил. Чэнь Цинъянь погрузился в учёбу с удвоенным рвением, вставая в час Мао и занимаясь до самого заката. Первым делом после отдыха он спешил открыть пространство поля, чтобы встретиться с супругом. Время доступа было ограничено, поэтому, чтобы не терять ни минуты, они договорились видеться каждый вечер в час Ю.

Едва муж активировал вход, как там появился и Ван Ин. Они тут же бросились в объятия друг друга.

— Как ты сегодня? Живот не болел? Не тошнило?

— Нет. А как вы там? Что ели?

— Сегодня готовили мы с дядей Чэнем. Конечно, не так вкусно, как у тебя, но вполне съедобно. Учитель за едой всё вздыхал, говорил, что скучает по твоей стряпне.

Ван Ин не удержался от смеха. У старейшины Ляна не было других увлечений, кроме еды, и теперь его лишили этого удовольствия.

— Мама говорит, через три месяца всё образуется, и я смогу вернуться. Она сегодня ходила в даосский храм и принесла мне оберег. А третья тётушка уже собирается шить одежды для малыша, хотя ещё неизвестно, кто родится — мальчик или девочка.

— Неважно, я буду рад любому ребёнку.

Ин'эр был с ним полностью согласен. Воспитанный в современном обществе, он был чужд предрассудков. Если родится мальчик, Чэнь Цинъянь научит его грамоте. Будет способным — пойдёт сдавать экзамены, не будет — останется отрадой для родителей. Если родится девочка или гэ'эр, он сам научит их управлять лавкой. В конце концов, в эту эпоху у них было не так много возможностей, и найти достойного спутника и прожить спокойную жизнь уже считалось великим счастьем.

Муж обнял его, и они, усевшись под персиковым деревом, стали разглядывать оберег. Внезапно ожидание этого ещё не рождённого малыша наполнило их сердца особым трепетом. Чэнь Цинъянь рассказал о том, что они проходили на занятиях, и о производстве мороженого.

— Я всё сделал, как ты учил: залил смесь в формы и оставил замерзать на поле. Завтра дядя Дуньцзы отвезёт всё в город.

— Спасибо тебе.

— Что ты, это мой долг.

Ван Ин сменил позу и положил голову ему на плечо.

— Нам нужно накопить побольше денег. Если в следующем году ты сможешь участвовать в экзаменах, это потребует немалых расходов.

— Боюсь, так скоро не получится. Учитель прославился благодаря удачному стечению времени, места и обстоятельств. В Цзяннани всегда было много талантов, там царит учёная атмосфера, часто устраивают поэтические вечера и философские диспуты. Их собрания — не то, что у нас в городке. Специальные писцы записывают все стихи и оды, а затем издают сборники. Я даже покупал несколько таких. Все, чьи имена попадали на страницы этих книг, были людьми незаурядных знаний. Учитель был молод и талантлив, к тому же ему посчастливилось встретить великого учёного Бая, который согласился провести с ним диспут. Так он и прославился. Мои способности не сравнятся с его, да и подходящих случаев нет. Чтобы заявить о себе, нужны время и удача.

Юноша кивнул. Но Чэнь Цинъянь был ещё так молод, всего восемнадцать. В прошлой жизни Ван Ин в этом возрасте только школу окончил.

— Не торопись. Учись усердно у старейшины Ляна, он человек великих знаний.

— Я понимаю.

— И береги себя, не переутомляйся.

— Не волнуйся. Я теперь каждое утро занимаюсь с учителем гимнастикой «Пять зверей» и чувствую себя намного крепче. Не веришь — потрогай.

Ин'эр провёл рукой по его животу. Мышцы и впрямь стали твёрже. Неудивительно, что во время их близости он теперь не мог и пошевелиться под его натиском.

Время их встречи подходило к концу. Муж с неохотой поцеловал его в уголок губ.

— Пора возвращаться. Увидимся завтра в это же время.

— Хорошо. Ложись спать пораньше, не засиживайся за книгами, это вредно для глаз.

— Да, знаю.

Картинка перед глазами сменилась, и каждый из них оказался в своей спальне. Обняв одеяло, Ван Ин впервые почувствовал, какой огромной была его кровать. Мысль о том, что ему придётся провести здесь ещё два месяца, казалась невыносимой.

По другую сторону Чэнь Цинъянь страдал не меньше. Вдыхая оставшийся на постели аромат своего гэ'эра, он ворочался без сна почти до самого рассвета.

Прошло полмесяца. Госпожа Ли снова пригласила лекаря, чтобы тот проверил пульс.

— Плод развивается стабильно. Это точно пульс беременности.

Мать Чэнь Цинъяня сложила руки и прошептала:

— Амитабха, благодарение Будде!

Лекарь выписал два рецепта для укрепления плода и удалился. Чэнь Жун и госпожа Ли принесли в комнату Ван Ина отрезки ткани.

— Какой цвет тебе нравится? Мама сошьёт тебе несколько нарядов.

— У меня в шкафу и так полно одежды.

— Глупыш, — улыбнулась Чэнь Жун. — Когда живот вырастет, старая одежда станет мала. Нужно сшить что-нибудь посвободнее.

Ван Ин неловко почесал затылок. Мысль о себе в таком положении вызывала у него смущение.

— Любые подойдут, выбирайте сами.

— Тогда возьмём этот, лавандовый, и этот, карминовый.

Золовка приложила ткань к юноше.

— Ин'эр такой светлокотий, ему любой цвет к лицу.

— Надеюсь, кожа у ребёнка будет как у Ин'эра, а не как у Цинъяня, — добавила госпожа Ли.

— Разве он смуглый? — удивился Ван Ин.

— Он-то нет, но в детстве у него постоянно была сыпь. Стоило наступить жаре, как всё тело покрывалось красными пятнами, и он без умолку плакал от зуда.

Упоминание о детских годах мужа пробудило в юноше любопытство.

— Он был плаксой?

— Ещё какой! — в один голос ответили женщины.

Когда родился Чэнь Цинъянь, Чэнь Жун ещё не была замужем и несколько дней помогала за ним ухаживать.

— В детстве у него было прозвище «ночной плакса». Как только темнело, он начинал плакать. Но не кричал в голос, как другие дети, а тихо всхлипывал, так что сердце разрывалось.

— Именно, — подхватила госпожа Ли. — Сначала я думала, что он просто по натуре такой, но кто же выдержит это каждую ночь? Матушка Тянь не спала целыми ночами, ухаживая за ним, так уставала, что спину разогнуть не могла.

При упоминании матушки Тянь госпожа Ли невольно вздохнула...

— А потом в город пришли монахи, просившие подаяние. Они сказали, что Цинъянь не может забыть своих родных из прошлой жизни, потому и плачет по ночам. Они читали над ним сутры целый день, и, что странно, с той ночи он больше никогда не плакал!

Вот почему она так верила монахам и даосам. Ван Ин слушал с изумлением, узнавая всё новые подробности о своём молодом муже.

От скуки днём он решил отнести обед Линь Цю и сестре в лавку. Госпожа Ли не отпустила его одного и настояла, чтобы Эршунь его сопровождал. Когда они подошли к лавке, там как раз был Цао Кунь. С палочкой мороженого во рту, тот, увидев Ван Ина, тут же вскочил и поклонился.

— Приветствую, двоюродная невестка.

Ван Ин рассмеялся.

— А ты проворный. Что, опять пришёл?

— Хе-хе, соскучился по Сяо Цю, вот и заглянул.

Линь Цю покраснел, сильно наступил собеседнику на ногу и выбежал из лавки. Ван Ин не смог сдержать смеха.

— Он ещё не стал твоей женой, будь сдержаннее в словах.

— Я специально. Хотел отослать его, чтобы поговорить с вами.

По его серьёзному лицу Ван Ин понял, что дело важное.

— В уезде что-то случилось?

— Невестка умна, сразу догадалась. Дело в отце Сяо Цю, — и Цао Кунь рассказал, как после Нового года встретил Линь Чанбиня. — Я боялся, что он снова придёт к ним, поэтому оставил его в Цзяохане, дал работу счетовода.

— Ты поступил благородно.

— Это мой долг. Но на днях он от кого-то узнал, что я собираюсь жениться на Цю'эр, и начал вести себя как мой тесть: требует повышения платы, да чтобы я его обслуживал...

Ван Ин хмыкнул.

«Вот же старый бесстыдник! Неужели он не понимает, что не имеет на это никакого права?»

Цао Кунь был человеком бывалым, с шестнадцати лет вращался в этом мире. Если бы не тот факт, что это отец Линь Цю, он бы давно велел его избить.

— Я подослал пару ребят, чтобы припугнули его. Он сильно перетрусил.

— Так ему и надо. Не потакай ему. Если он снова посмеет тебя беспокоить, просто прогони его палкой.

— Да, я понял. Кстати, его сын от той женщины... кажется, не совсем здоров. Ему уже семь или восемь месяцев, а он даже переворачиваться не умеет. На имя не откликается... Похоже, он не в себе...

Ван Ин снова хмыкнул.

«Неужели возмездие настигло его так скоро?»

Вскоре вернулся Линь Цю. Цао Кунь поднялся.

— Мне пора. В следующий раз снова навещу тебя.

Юноша кивнул. Увидев, что гость снова достаёт деньги, он замахал руками.

— Не надо твоих денег! Двоюродная невестка платит мне долю от прибыли, в месяц выходит семь-восемь лянов серебра!

— Тогда копи их для меня. Я постоянно в разъездах, боюсь потерять.

С этими словами тот бросил ему мешочек с серебром, в котором было около двадцати лянов, и, махнув рукой, ушёл. Ван Ин смотрел на эту трогательную сцену, и у него едва ли не сводило зубы от зависти. К счастью, вечером он сможет встретиться с Циньянем, иначе было бы совсем невмоготу.

<http://bllate.org/book/15812/1439951>